

УДК 101.1: 316.72 + 101.1: 316.422

«Рынки лояльности» и культурная глобализация

А. И. Екадумов, кандидат философских наук, доцент*

Ситуация мультикультурализма создает проблемы интеграции не только в постиндустриальных обществах Запада. Существенные предпосылки дезинтеграции и возрастания рисков, обусловленных социокультурной разобщенностью, глобальный мультикультурализм создает в модернизирующихся обществах. Глобальный рынок лояльности способствует селекции культурных образцов, способных обеспечить максимально широкое присоединение индивидов к социальной коммуникации, наиболее широкий репертуар индивидуальных притязаний и бесконфликтное сосуществование альтернативных стилей жизни. В условиях глобального мультикультурализма либеральные культурные сообщества имеют значительные преимущества в обеспечении бесконфликтной интеграции перед авторитарно-патриархальными.

Ключевые слова: рынок лояльности, мультикультурализм, коммуникация, модернизация, постмодернизация, самоактуализация.

«Markets of Loyalty» and Cultural Globalization

A. I. Ekadumov, PhD in Philosophy, Associate Professor

The situation of multiculturalism creates problems of integration not only in post-industrial societies of the West. Essential preconditions of disintegration and increasing risks caused by the socio-cultural disunity, are created by global multiculturalism in modernizing societies. The global market of loyalty contributes to the selection of cultural models which can ensure the widest possible adherence of individuals to social communication, the most extensive repertoire of individual pretensions and conflict-free coexistence of alternative lifestyles. Under the conditions of the global multiculturalism liberal cultural communities have significant advantages in ensuring conflict-free integration to the authoritarian-patriarchal ones.

Keywords: market of loyalty, multiculturalism, communication, modernization, postmodernization, self-actualization.

Ситуация мультикультурализма характерна не только для постиндустриальных обществ. Не в меньшей степени она актуальна для модернизирующихся стран. Именно им мультикультурализм несет существенные риски социально-политической нестабильности, обусловленной как минимум двумя комплексами факторов. Во-первых, этнокультурное и религиозное разнообразие в пределах одного государства или региона. И во-вторых, избыток культурных образцов, идентичностей, институтов и коммуникативных практик, связанный с наслоениями цивилизационных волн.

Вторжение индустриальной западноевропейской цивилизации имело фатальные последствия для традиционных культур по всему миру. Но перед империалистической колониальной экспансией, а также в ее процессе индустриализм радикально изменил саму Европу. Р. Дарендорф сравнивает оценки становления капиталистического общества, данные А. Токвилем и К. Марксом. При всей несхожести авторов их мнения совпадают: модернизация была разрушением прежнего порядка [1, с. 113–114].

Как бы ни акцентировались «традиционные» основания локальных сообществ, все они воспроизводятся внутри институционально-технологической системы глобального капитализма. Как отметил Р. Ингледарт, «...сегодня на Земле почти не осталось социумов, по крайней мере не вступивших на путь индустриализации» [44].

Преодоление последствий модернизации, разрушения традиционных институтов, могло реализоваться, в принципе, двумя путями. Это просвещение, самоорганизация гражданского общества или же архаизация как целенаправленное сопротивление модерности.

Мультикультурализм модернизирующихся обществ более трагичен и драматичен, чем мультикультурализм постиндустриального Запада. Их политические, социальные институты, экономика и культура менее скоординированы, унифицированы и интегрированы в рамках глобальной капиталистической системы.

В посттрадиционных обществах Европы и Америки индивиды, не желающие интегрироваться в современные институты или не имеющие ресурсов

* Доцент кафедры философии и методологии науки ФФСН БГУ.

для такой интеграции, выдавливаются в гетто. Проблема гетто весьма болезненна, и устранение от ее решения сулит чрезвычайно тревожные последствия [1]. Но в регионах, где целенаправленно маргинализуется модернность, а легитимация институтов идет по пути «изобретения традиции» в виде архаизации и каргоизации, участь гетто распространяется на целые страны.

В качестве успешного примера современной прививки на местные авторитарно-патриархальные традиции долгое время приводился дальневосточный регион. Рост экономического могущества и культурного влияния послевоенной Японии, Южной Кореи, а затем и Китая обеспечивался успешным сочетанием авторитарно-традиционалистских форм взаимодействия государства и бизнеса. Казалось бы, компоненты доиндустриальных форм власти успешно сочетаются с инновационной капиталистической экономикой. Однако экономические кризисы выявили недостатки такого сочетания. «Угроза экономике таилась в природе взаимоотношений, связывающих бизнес и государственные институты» [2, с. 215].

Межличностные связи и сращение бизнеса с правительством продолжительное время способствовали экономическому росту Азии. После финансового кризиса 1997 г. обозначились пределы азиатской экономической модели, за которыми прослеживается перспектива выбора приоритетов: дальнейшая модернизация в сторону открытого общества или культивирование самобытности и снижение эффективности. Д. Перкинс подводит итоги дальневосточной модернизации: «В течение полувека азиатские ценности вполне эффективно обслуживали процесс экономического развития. Но в будущем, скорее всего, их роль изменится. На первый план сегодня выходит задача подкрепления сильной и современной экономики прочными правовыми основаниями» [2, с. 219].

Существенную роль конфуцианских ценностей в модернизации Дальнего Востока отмечает Л. Пай. Хотя бурный послевоенный рост капиталистической экономики Дальнего Востока был предметом восхищения и зависти, на фоне Запада успех этот не столь радикален [3]. В определенный период традиционные формы экономического поведения стимулировали бурное развитие экономики. Но те же самые приверженности оказывались ее тормозом в меняющемся историческом контексте.

Формальная рациональность и минимизация роли межличностных связей, институциональная организация, разделяющая собственность и власть, — условия дальнейшего успеха. В посттрадиционном мире ценности доверия и неформальной ком-

муникации вовсе не утратили значения, но сами по себе они не заменят модерную институциональную систему.

Опыт Дальнего Востока, осуществленный синтез традиционных практик с современными — наиболее успешный пример «прививки» модерни. Но в иных регионах модернизация в сочетании с устоявшимися обычаями не дала столь впечатляющих результатов.

Проблема элит, стремящихся превратить свои страны в гетто, законсервированные между архаикой и модерном, — наличие в этих гетто сторонников иных институциональных образцов, ценностей и идентичностей. Сохранение власти предполагает нейтрализацию их сопротивления, способного варьироваться от саботажа и внутренней эмиграции до гражданской войны. Поэтому проблема мультикультурализма для традиционалистских правящих групп та же, что и у западных правительств. Это интеграция всех, кого можно объединить в рамках своей стратегии господства, и нейтрализация неспособных или не желающих интегрироваться — в рамках представлений о легитимности, характерных для конкретного общества.

Интеграция требует универсального, приемлемого для максимального числа групп и индивидов институционально-коммуникативного обеспечения притязаний. Требуется система институтов, способных обеспечить максимальное присоединение к социальной коммуникации, обращать противостояние в сотрудничество или нейтралитет на общих принципах. Новоевропейское общество выстраивало такую систему со времен буржуазных революций. Процесс этот далек от завершения, да и вряд ли будет завершен, учитывая непредсказуемые изменения мировой динамики, которые З. Бауман характеризует как «мировой беспорядок» [4]. Но институциональная система модернизируется.

В качестве идеальной модели современного общества К. Поппер предложил концепцию открытого общества. В ней четко обозначены как ориентиры, так и пределы социокультурной организации, способной максимально интегрировать индивидов с учетом их крайне не совпадающих представлений. Границы плюрализма в данной концепции — это границы критической рациональности и диалогической политической культуры, ориентированной на идеалы индивидуальной свободы.

Традиционалистский дискурс легитимации и соответствующие институты смогут интегрировать разнородные культурные и социальные группы в той мере, в какой над партикулярными ориентациями будут преобладать сочетания индиви-

дуальных и универсальных предпочтений, нейтрализующие мобилизацию подвластных групп к сопротивлению. Это может быть интеграция на принципах открытого общества. Тогда традиционализм в динамике будет тяготеть к модерности, и общество постепенно эволюционирует в сторону современного. Однако современный универсализм, всегда ограниченный примордиальными идеологиями и идентичностями, формировавшимися задолго до эпохи Просвещения, неизбежно будет сталкиваться с проявлениями примордиалистских устремлений. Многочисленные мрачные примеры этого демонстрирует сама Западная Европа.

Стремление правящих групп остановить социокультурную модернизацию, угрожающую их положению, инициирует поиск альтернативных основ консолидации. Что также весьма красноречиво демонстрирует история Западной Европы в Новое время. Ультранационализм, доходящий до трайбализма, религиозный фундаментализм, тоталитарные идеологические доктрины. Все эти средства «примораживания» модерна предназначены для обеспечения монополюющей онтологической легитимации утвердившейся власти. Лояльность в данном случае обеспечивается не за счет конкуренции проектов и программ, а благодаря идеологической монополии, гарантированной физическим насилием.

Анализу перспектив традиционализма в мультикультуральном обществе поможет концепция «рынка лояльности», используемая П. Монро [5].

Лояльность обеспечивает прочность порядка господства. Но лояльность как внутренне мотивированная санкция на подчинение власти — то, к чему невозможно принудить силой. На это указывал еще Дж. Локк, объясняя в «Опыте веротерпимости», почему следует избегать насилия в отношении иноверцев, не разделяющих государственную религию [6, с. 66–90].

Вот что пишет П. Монро: «На рынке лояльности главными „продавцами“ или производителями являются изготовители идентичностей — традиционно государства или правительства, но также и другие участники... „Покупателями“ являются граждане, субъекты, подданные государств, потребители (личности или их суррогаты)... Чаше всего плата за лояльность включает принятие на себя экономического бремени государства, выполнение законов и готовность сражаться в вооруженных силах» [5].

По мере модернизации, с развитием СМИ все заинтересованные субъекты власти, и в первую очередь государства, стремились регулировать рынки лояльности, спрос и предложение идей, воздействующих на социодинамику. Но у этого влия-

ния всегда были пределы, даже в условиях монополии. Развитие коммуникативных технологий постоянно подрывало позиции государств и медиакомпаний, обеспеченные старыми медиатехнологиями. Печать, кинематограф, радио, телевидение и, наконец, Интернет и мобильный интернет — развитие медиасреды постоянно расширяло возможности выбора на этом рынке. Проблема контроля над ним заключается в необходимости технологических ограничений, торможении инноваций, которыми не преминут воспользоваться конкуренты. Поэтому на рынке лояльности ситуация обстоит примерно так же, как и на обычном рынке: конкуренция идет в сфере технологического обновления и привлечения покупателя преимуществами товара.

Невозможно получать готовность к повинности, не предлагая ничего взамен. Люди «как бы взвешивают цену различных национальных идентичностей и делают свой выбор посредством политических действий. Такой острый идеологический выбор служит средством обнаружения чрезмерной дороговизны определенной идентичности или причин, по которым нынешней идентичности предпочитается другая идентичность...» [5].

Важный момент, отмеченный П. Монро, — наличие ансамбля идентификаций, которые могут обеспечивать лояльность институтам. «Индивидуум не обязан придерживаться только одной национальной идентичности или быть преданным только одной идее... С точки зрения поставщиков идентичности важно не наличие у людей более чем одной преданности, а изменение со временем интенсивности разных типов лояльности» [5].

В контексте положения У. Бека о развитии идентичностей в направлении взаимодополнительности взамен взаимоисключения [7] «пакет идентификаций», предлагаемый в обмен на лояльность, тяготеет к индивидуализации. Постмодерная эпоха — не просто стадия перехода общества массового потребления в общество риска, все менее озабоченное базовыми потребностями и все более — сохранением достигнутых благ и предотвращением рисков. Постмодернизация — это переход от мотивации материального потребления к мотивам самоактуализации и поиска смысла [8]. Условие такого перехода — институциональные и материальные гарантии базисных потребностей по А. Маслоу. Поэтому роскошь постмодернизации позволяют себе далеко не все общества и далеко не все их члены. (Что не снимает актуальности индивидуального поиска смысла в «ускользающем мире» для индивидов, живущих на периферии постмодернизирующегося мира.) Однако именно в сфере обращения постмодерных ценно-

стей в избытке производятся нематериальные товары для рынка лояльности – смыслы и предпочтения, провоцирующие новые притязания, удовлетворение которых может обмениваться на лояльность.

Если мы возьмемся оценивать перспективы продавца на рынке лояльностей, исходя из запросов потребителя-индивида, нам придется учесть, какие именно выгоды преследует индивид, проявляющий лояльность институтам и доктринам. Выгоды эти так или иначе будут соотносены со всем комплексом индивидуальных потребностей, представленных в концепции А. Маслоу, от физического выживания до самоактуализации [9], и стремлением к смыслу, подробно проанализированным В. Франклом [10, 11].

Чем большее число уровней пирамиды потребностей будет обеспечено продавцом идентичности, чем успешнее будут удовлетворяться притязания на каждом уровне, тем лояльнее проявит себя индивид. При прочих равных, в условиях близких к идеальным, когда конфликт ценностных ориентаций, соответствующих разным уровням потребностей, минимизирован, приоритет получит та идентичность и та система институтов, которая максимально удовлетворяет потребности на всех уровнях. Индивидуальная шкала потребностей, тем более в ситуациях критического выбора, может радикально трансформироваться. Но вне пограничных ситуаций, стремясь к удовлетворению потребностей и переживанию смысла, индивид будет тяготеть к той институционально-ценностной системе, которая предоставляет максимальные возможности реализации притязаний, т. е. оптимальна с субъективной точки зрения.

Наиболее гибкая социокультурная система способна в наибольшей степени, в сравнении с конкурентами, обеспечить как реализацию всего комплекса человеческих потребностей, от физиологических до самоактуализации, так и сосуществование их индивидуальных комбинаций. Такая система способна обеспечить максимальное присоединение к социальной коммуникации через лояльное участие, которое, в свою очередь, оплачивается возможностями удовлетворения индивидуальной системы потребностей и воли к смыслу в рамках наличных институтов.

Критическая рациональность, уровень моральной саморегуляции и снижение или рост социального капитала определяют в этом торге лояльностью, какие из институтов и общностей в итоге окажутся более могущественными и благополучными.

Самоактуализация – потребность, которая в той или иной форме требует реализации. В свете чего идеи, высказанные Ф. Фукуямой в «Конце

истории», несмотря на явные расхождения его ожиданий с последующими мировыми событиями, заслуживают более детального внимания. Ф. Фукуяма пишет о реализации притязаний, стремлении к признанию как факторе движения истории в сторону либерального завершения [12]. Утверждение весьма спорное, поскольку репертуар притязаний, поощряемый в различных культурах, может принципиально противоречить возможностям самоактуализации в контексте либеральных стандартов. Однако важный момент, присутствующий в концепции «конца истории», если проинтерпретировать идеи либерально-демократической утопии Ф. Фукуямы в контексте теории коммуникации Н. Лумана, – это возможность максимального присоединения, гарантированная либеральной культурной моделью. Тимос, честолюбие, за которое борется индивид у Ф. Фукуямы, – потребность самоактуализации, обозначенная в иных терминах.

Различные культуры предлагают различные репертуары притязаний, но, помимо этого, сами такого рода репертуары организуются в соответствии с социальной иерархией. Возможности самореализации и социальные статусы соотносятся так, что допуск к определенным способам самоактуализации и наделения жизни смыслом ограничивается статусом и наоборот. В коммуникативной системе общества расширение возможностей присоединения новых участников означает возможность нивелировки статусных барьеров и, соответственно, уменьшение ограничений в притязаниях на самоактуализацию. Барьеры остаются – финансовые, социальные, образовательные, лингвистические и пр. Но именно либерально-демократическая система оказывается наименее блокированной для коммуникативного присоединения. Именно в ней индивиды располагают большими возможностями для участия в обществе как коммуникативном процессе.

У. Бек рассматривает концепцию прав человека как центральную для формирования политики и морали глобального мира [7]. Сколько бы она ни подвергалась критике, ее преимущества чисто инструментальны. Это возможность максимального присоединения, т. е. наибольший из имеющихся альтернатив потенциал согласования персональных притязаний с надындивидуальными институциональными ограничениями. Поэтому на глобальном мультикультуральном рынке лояльности универсализм имеет преимущества перед жестким примордиализмом и фундаментализмом – персональная идентификация допускает сложные комбинации идентичностей с минимальными институциональными ограничениями. Тогда как тради-

ционализм ревностно контролирует и корректирует идентичность либо вырождается в симуляцию, циничное манипулирование священными символами ради господства. Но такая циничная стратегия означает фактическое признание современного универсализма при его активном идеологическом отрицании. Успешный циничный анти-модернизм признает за модерном куда большие инструментально-технические возможности, а также готов к более широкому применению современных идей и практик, чем провозглашает официальная доктрина.

В любом случае, наивный или циничный, последовательный традиционализм в ситуации мультикультурализма, даже в экстремистской версии, оказывается оборонительным. Переизбыток стилей, идентичностей, мифов, а также требования индивидуального выбора в организации жизни, перед которым ставит индивида общество риска, провоцируют индивидуализацию жизни даже там, где к ней не стремились. Массовизация индустриального общества (особенно по мере материального насыщения) уже проходила в условиях такого избытка идеологических альтернатив и репертуаров притязаний, требований действовать самостоятельно. В постиндустриальном обществе этот избыток возрос многократно, а само общество оказалось перед проблемой – насколько институты способны выдерживать многообразие. Общества, имеющие устоявшуюся традицию современности, традицию самообновления, конструктивной самокритики и ненасильственной интеграции, получают преимущества. Монополизм на рынке лояльности оплачивается интеллектуальной и технологической отсталостью, социальной дезинтеграцией и ослаблением политического

влияния в условиях транснациональной, «внутренней мировой» политики.

Список цитированных источников

1. Дарендорф, Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Р. Дарендорф. – М., 2002.
2. Перкинс, Д. Законность, семейственность и азиатский способ ведения бизнеса / Д. Перкинс // Культура имеет значение. – М., 2002. – С. 206–220.
3. Пай, Л. «Азиатские ценности»: от динамо к домино? / Л. Пай // Культура имеет значение. – М., 2002. – С. 221–236.
4. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М., 2002.
5. Монро, П. Телевидение, телекоммуникации и переходный период: право, общество и национальная идентичность / П. Монро [Электронный ресурс]. – 2000. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Gurn/Monro/04.php – Дата доступа: 01.06.2014.
6. Локк, Дж. Опыт о веротерпимости. / Дж. Локк // Соч.: в 3 т. – М., 1988. – Т. 3.
7. Бек, У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономика / У. Бек. – М., 2007.
8. Инглегарт, Р. Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на Западе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://iir-mp.narod.ru/books/inozemcev/page_1261.html. – Дата доступа: 16.03.2014.
9. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – СПб., 2008.
10. Франкл, В. По ту сторону самореализации и самовыражения / В. Франкл [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rulit.net/books/volya-k-smyslu-read-202076-15.html>. – Дата доступа: 30.03.2014.
11. Франкл, В. Психиатрия и поиск смысла / В. Франкл. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rulit.net/books/volya-k-smyslu-read-202076-27.html>. – Дата доступа: 30.03.2014.
12. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. – М., 2004.

Дата поступления в редакцию: 17.11.2014 г.